

ГАЗЕТНЫЙ МАКРОТЕКСТ: СЕМАНТИКА И АНТРОПОЦЕНТРИЗМ

Семантика текста как лингвистическая дисциплина начала свое становление в 70-х гг. XX в. По словам Е.А. Селивановой, семантика текста *“вызрела в недрах грамматики текста”*. Первоначально семантика текста *“сохраняла отпечаток логической структурированности и влияние ключевой идеи текстовой грамматики – линейного соположения единиц”*, однако впоследствии *“обратилась к многослойности, разноплановости и глобальности семантического содержания текста”*.¹

В последние десятилетия XX в. лингвистами было проведено много исследований по семантике текста,² которая изучалась в рамках различных направлений анализа целого текста. Однако в современной лингвистике до сих пор нет ее однозначного определения.

А.И. Новиков определяет семантику текста как *“структуру его содержания, представляющую собой целостное и системное образование, которое возникает в интеллекте человека и соотносится с линейной структурой текста”*.³ И.М. Кобозева полагает, что основной вопрос изучения семантики текста заключается в том, *“как из предложений-высказываний формулируется смысл целого текста и что он собой представляет”*.⁴

Задачей нашего исследования является изучение и описание семантики макротекстового образования, состоящего из 35 газетных статей, посвященных единой теме – террористическому акту, произошедшему в США 11 сентября 2001 г. Анализируемые статьи были опубликованы в №№ 2101-2104 еженедельной газеты “Sunday Telegraph” за 2001 г.⁵ Изучению подвергались все газетные материалы, которые в разных ракурсах и с разной степенью детализации информировали о событиях 11 сентября, анализировали причины и предсказывали последствия террористического акта, который потряс мир своей жестокостью и масштабностью жертв и разрушений. Данные статьи рассматриваются нами как единое коммуникативное образование,

складывающееся из различных публикаций на одну и ту же тему.

Вслед за В.Ф. Ивановым считаем, что мотивом организации содержания газетных публикаций и способом объединения его частей (статей) в одно целое является их внутренняя форма или тематическая структура.⁶

Полагаем, что тема террористического акта 11 сентября, освещенная в указанных статьях, является содержательным стержнем, связывающим не только разные статьи каждого отдельного газетного номера (горизонталь макротекста), но и хронологический ряд последовательных номеров (вертикаль макротекста).

Для эффективности анализа семантики газетных текстов, освещающих одну тему, Д.Б. Пэн предлагает использовать коррелятивную пару понятий *“интегративная/деинтегративная тема”*. Он отмечает, что тема существует в двух основных формах – предмета речи данного конкретного текста, который является общим для группы текстов (интегративная тема), и предмета речи, отвлеченного от конкретной данности, или вычленяющего текст из группы текстов (деинтегративная тема). Д.Б. Пэн полагает, что деинтегративные тенденции газетных текстов не очень велики, *“ведь подлинная реальность СМиП (средств массовой информации и пропаганды) – не отдельный конкретный текст, а массив текстов, объединенных самой организацией речевого потока во времени (рубрика) и в пространстве (тематическая полоса), а также ситуацией”*.⁷

В данном исследовании в первую очередь обращаем внимание на интегративную тему, а именно – на роль описываемой ситуации в процессе объединения разрозненных газетных текстов в единый макротекстовый комплекс.

Как известно, газета нацелена на оперативное освещение быстротекущей социально-политической жизни, которая представляет собою непрерывный поток событий и ситуаций. Согласно дефиниции, *“ситуация – это совокупность обстоятельств, положение, обстановка”*.⁸ Описание и анализ ситуации в публицистическом произведении предполагает определение, что она собой представляет, фиксацию этого представления в тексте, выявление сложившихся основной и дополнительных задач, выяснение главных причин ее возникновения, формулировку важнейшей проблемы и выяснения ролей интересов ее основных участников.⁹

Сложная политическая и общественная ситуация в США возникла в сентябре – октябре 2001 года. Кульминационным моментом этой ситуации послужил террористический акт 11 сентября. Именно в этот

день – 11 сентября 2001 г. – террористы захватили 4 самолета и направили два из них на здания в Нью-Йорке, которые являлись символом финансовой мощи Америки, – Северную и Южную башни Мирового Торгового Центра. Третий самолет был направлен на Пентагон, четвертый – сбит ПВО США.

В результате террористического акта на Торговый Центр погибло около 3 тысяч человек. Газета “Sunday Telegraph” впервые освещает это событие в публикациях № 2101, вышедшего из печати в воскресенье – 16 сентября 2001г.:

*At 300 mph, the Boeing smashed into the north tower...*¹⁰

*...flight UA 175 thundered into the side of the south tower,*¹¹

*The twin towers of the World Trade Centre collapsed in a terrorist attack last Tuesday.*¹²

Ю.М. Лотман отмечает, что превращение события в текст, прежде всего, означает пересказ его в системе того или иного языка, т.е. его подчинение определенной, заранее данной структурной организации. “*Будучи пересказано средствами языка, оно неизбежно получает структурное единство. Единство это, физически принадлежащее лишь плану выражения, неизбежно переносится на план содержания. Таким образом, самый факт превращения события в текст повышает степень его организованности*”.¹³

Превращение события 11 сентября в газетный текст происходит в результате построения языковой модели фрагмента действительности. Единство таких фрагментов, получивших освещение в публикациях газеты “Sunday Telegraph” (№№ 2101-2104), помогает восстановить картину развития реальной жизни.

Теракт 11 сентября является основным событийным узлом, от

Тематические линии	Микротема
I. Теракт как таковой	1) подготовка атаки на Торговый центр 2) атака на Торговый центр 3) спасательные работы
II. Причины теракта	1) роль Осамы бен Ладена в организации теракта 2) несостоятельность американских спецслужб
III. Последствия теракта	1) реакция мировой общественности 2) будущее Нью-Йорка как финансовой и торговой столицы 3) настоящее и будущее Америки

Исследуя характер события, Н.Д. Арутюнова выделяет его троякую локализацию, где наряду с пространственной и временной важную роль играет локализация события в *“некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит”*.¹⁴

На оси как индивидуальной, так и общественной жизни людей события занимают различное место. Некоторые, особенно драматические, события могут коренным образом изменить судьбу отдельного человека или группы людей, стать поворотным пунктом в жизни всего общества.

Вероятно, именно по этой причине СМИ проявляют особый интерес прежде всего к судьбам людей, бывших виновниками, участниками или очевидцами того или иного события, а особенно если это – такое широкомасштабное трагическое событие, как теракт 11 сентября, событие, повлекшее огромное количество человеческих жертв и поломанных судеб.

Формирование и развитие в данном макротексте антропоцентрической линии – линии судьбы конкретных реальных людей – заслуживает особого внимания. Описание роли участников события в некоторых случаях выходит в микротеме на первый план и образует ее ядро. Речь идет о микротеме **“роль Осамы бен Ладена в организации теракта”** и о ряде других микротем, где раскрывается роль исполнителей теракта (**“подготовка атаки на Торговый Центр”**), освещаются судьбы и действия людей, пострадавших при атаке (**“атака на Торговый Центр”**) и принимавших участие в спасательных работах (**“спасательные работы”**).

Надо отметить, что даже в таких микротемах, как **“будущее Нью-Йорка как финансовой и торговой столицы”** и **“настоящее и будущее Америки”** проблема человека занимает важное место. Ведь именно людям предстоит решить вопрос постройки нового Торгового Центра и выбрать пути борьбы с терроризмом.

Итак, в первом номере анализируемого макротекста читатель сталкивается с сообщениями о трагедии американской нации. Со времени теракта на момент выхода из печати № 2101 прошло 5 дней. Очевидно, что читатели британской газеты “Sunday Telegraph” уже в значительной мере были осведомлены о происшедшем. Напомним, что телевидение вело прямую трансляцию с места трагедии, выпуски ТВ и радио новостей, а также ежедневные газеты содержали объемную и детальную информацию о рухнувших небоскребах. Журналистам же надо было захватить и удержать внимание читательской аудитории во всех публикациях, освещающих событие 11 сентября, несмотря на то, что фактор

сугубо информационной новизны сообщения уже не срабатывал. Одним из каналов возбуждения читательского внимания становится эмоциональный аспект описываемой ситуации, обращение к человеческим чувствам аудитории. Наиболее действенный способ апеллировать к чувствам читателя – рассказать ему о пострадавших людях и тем заставить его пережить события того дня их глазами. “*Переход к человеческому фактору всегда вносит в текст элемент интенциональности*”.¹⁵

Так, воссоздавая картину последних минут жизни пассажиров на борту первого из захваченных лайнеров, газета “Sunday Telegraph” в тексте статьи прибегает к драматургическим способам подачи материала, сообщая детали поведения людей в критический момент:

*The passengers sat huddled at the back of the cabin. They had been told to call their loved ones. They had been told they were going to die. They knew there was no hope. Some callers wept with despair as they reached only their families answering machines.*¹⁶

Изображая события, имевшие место на борту второго захваченного лайнера, автор использует психологическую реконструкцию чувств и мыслей людей, обреченных на гибель. Внимание читателей фокусируется на отчаянии одной из пассажирок, которая не могла поверить в предстоящую потерю самого драгоценного (*the most precious*) человека на земле – ребенка:

*Her beloved daughter was... the most precious thing in her life. She and her husband had tried for a baby for years – when Juliana was born, Ruth, already 41, had almost given up hope of motherhood. Fear for her own life must have been overtaken by the agony that her precious daughter was to die too.*¹⁷

В вышеприведенных примерах неминуемость смерти акцентируется за счет помещения глагола *die* в рамки модальной конструкции “*was to...*” и синонимичной ей “*were going to die*”. Читателю заведомо ясно, что большинства людей, о которых идет речь в макротексте, уже нет в живых. Однако из публикации в публикацию ему вновь и вновь приходится сопереживать очередной человеческой потере:

*Robert Eaton, 37, a merchant banker, who was at his desk on the 105 floor when the first jet struck is one of the missing after the tragedy.*¹⁸

Джеки, жена Роберта Итона, отказывается верить в смерть мужа и считает его пропавшим:

*Jacqui, has been travelling to rescue centres and hospitals in New York looking for her missing husband.*¹⁹

Из другой публикации данного номера можно заключить, что надежды Джеки найти мужа живым тщетны, т.к. ни один из служа-

щих фирмы *Cantor Fitzgerald* на момент 16 сентября не был найден живым:

Of the 700 Cantor employees who were on floors 101 to 105 of the north tower – one floor above the nine pierced by flight AA11 – none has been found alive.²⁰

В очередной раз мы встречаем название фирмы *Cantor Fitzgerald* в одной из публикаций № 2103. Интерес журналистов к данной фирме объясняется тем, что именно она понесла самые большие человеческие потери:

The 700 presumed dead from the Cantor Fitzgerald bond dealing firm alone – the company with the biggest single loss.²¹

Данная информация вплетена в канву рассказа о родственниках погибших, где в очередной раз журналист привлекает внимание и сочувствие читателя к истории о конкретных людях. Персонализация событий достигается через индивидуализацию действующих лиц; читателю становятся известны возраст, имя, фамилия человека, о котором повествуется. Так, например, подается рассказ о мальчике Джейсоне Спринге, мать которого работала в злополучной фирме *Cantor Fitzgerald*, ставшей, как и весь Торговый Центр, символом крушения многих судеб:

*Jason Springer is three years old and does not know where his mother has gone. He seems to believe that she is still at the office – although the office was on the 105th floor at the World Trade Centre.*²²

Журналист использует эвфемизм *where his mother has gone*, поворачивая трагическое событие таким образом, что читатель воспринимает информацию о смерти женщины глазами ее трехлетнего сына.

Г.Г. Почепцов отмечает, что в кризисных ситуациях, “когда *определенные биологические параметры человека начинают играть более важную роль, чем параметры социального порядка, полученные в результате научения*”, появляется четкое разделение на “свой” :: “чужой”.²³

Антропоцентрическая линия как результат отражения жизни реальных людей в газетном макротексте представляет двухполюсную структуру, где наблюдается оппозиция понятий

“свой” :: “чужой” или

“мы” :: “они” (*we* :: *they*).

Оппозиция “мы” :: “они” четко представлена в риторическом вопросе, который задает автор репортажа:

*My first thought was: how could people do this to people? And then: how could they do this so easily to us?*²⁴

“Мы” – это сообщество людей, объединяющее тех, кто пострадал при теракте: те, кого уже нет в живых, и те, чья жизнь продолжается (естественно, что читатели включены в группу “мы”). “Они” – это “чужие”, которые живут по другим нормам. Это те, чей поступок потряс многие страны и заставил их пересмотреть свои устои и ценности (в группу “они” входят исполнители и организаторы теракта).

*“Управление информационным пространством стремится к тому, чтобы вводить в массовое сознание информационные структуры с заранее прогнозируемым реагированием на них. И новости, и романы, и ‘мыльные оперы’ строятся на определенной, как ее можно обозначить, ‘героической грамматике’”.*²⁵ Человек как потребитель этой информации реагирует на нее благодаря определенному вовлечению в ситуацию.

В кризисной ситуации потребитель информации испытывает особенно острую необходимость в “героизированной” действительности. В данном случае среди “своих” всегда выделяется человек или люди, чей поступок или поступки достойны восхищения и подражания. Наряду с “героизацией” “своих” СМИ склонны “демонизировать” “чужих”. Герою противопоставляется антигерой, в роли которого, впрочем, может выступать не только человек, но и стихийное бедствие. Для создания определенных патриотических настроений СМИ оценивают поступки героя исключительно со знаком “+” и освещают их в большей степени, чем поступки антигероя, действия которого оцениваются исключительно со знаком “-”.

В данном макротексте наблюдаем подобную тенденцию: объем и развернутость освещения подтемы “свои” также преобладает над освещением подтемы “чужие”. В 35 статьях данного макротекста методом количественного анализа был выявлен 1481 случай упоминания “своих” и только 413 случаев упоминания “чужих”. В выборку были включены имена нарицательные и собственные, а также местоименные обозначения (табл. 2).

Таблица 2. Опозиция “мы” :: “они” в тематическом единстве газетных публикаций о теракте 11 сентября

"Sunday Telegraph"№	Мы (%)	Они (%)
2101	82%	18%
2102	83%	17%
2103	74%	26%
2104	64%	36%

Как видим, количественное соотношение “мы” превалирует во всех газетных номерах, являясь наиболее высоким в первом (82%) и втором (83%) и немного снижается в третьем (74%) и четвертом (64%).

В освещении “своих” отмечается большое количество позитивно-оценочных слов, тогда как в изображении “чужих” доминируют негативно-оценочные единицы.

Отрицательное отношение журналистов к “чужим”, их стремление подчеркнуть бесчеловечность их грубого вмешательства в мирную жизнь неповинных людей передается через эпитеты и сравнения. Об Осаме бен Ладене и его приспешниках говорится: *like malign angel*,²⁶ *the wildest people*,²⁷ *suicidal maniacs*,²⁸ о жертвах говорится: *innocent office workers*,²⁹ *innocent men*.³⁰

Во время ликвидации последствий теракта 11 сентября героическими образцами поведения становятся действия спасателей, пожарных и полицейских – людей, профессии которых всегда ассоциируются с порядком и помощью пострадавшим. Газетные публикации акцентируют, как эти люди проявляют необыкновенную стойкость духа, продолжая поиски после очередной неудачной попытки спасти или помочь:

*But the rescue teams and their dogs keep finding pockets in the wreckage in which, in theory at least, a human could survive this long. They crawl through a pothole and discover a cavern. Parts of the underground car parks are intact, and firemen have found cars with windows smashed, suggesting that survivors had broken into them to turn on their lights and seek escape. But where are these survivors now? Still nobody is yet willing to give up.*³¹

К 30 сентября – времени выхода в свет № 2103 газеты “Sunday Telegraph” – спасательные работы были прекращены. Как результат отображения ситуации реальной действительности в №№ 2103-2104 макротекста информация о людях героических профессий практически сходит на нет. Однако информационное пространство по-прежнему испытывает острую необходимость в “героизации”. В сложившейся ситуации масс-медиа нужна история, которая бы поддерживала позитивные настроения читательской аудитории. Символом дальнейшей борьбы американской нации становятся 19 пациентов манхэттенской больницы, судя по публикации, единственные, кто спасся во время крушения Торгового Центра:

*The single largest group of wounded to emerge from the World Trade Centre disaster... For America, the patients have become a symbol of the fightback. They are men and women who must be kept alive at any cost.*³²

На протяжении всего макротекста наряду с героизацией “своих”, т.е. представителей американской нации, происходит “демонизация” “чужих”. Данная тенденция проявляется во всех публикациях макротекста, где освещены действия террористов-камикадзе, их вождя Осамы бен Ладена и его приспешников.

В первом газетном номере данного макротекста “Sunday Telegraph” информирует читателей о возможной причастности Осамы бен Ладена к организации теракта:

*...two senior experts with Mossad were sent to Washington in August to alert the CIA and FBI to the existence of a cell of as many of 200 terrorists said to be preparing a big operation... They had no specific information... but linked the plot to Osama bin Laden.*³³

По мере развития ситуации во времени “Sunday Telegraph” не только не ставит ни под какое сомнение ведущую роль лидера Аль-Каеды, но и пытается проанализировать его прошлые действия и предсказать возможные будущие:

*One problem is that our enemy, the author of the September 11 attacks on New York and Washington, has already unlocked its beast.*³⁴

*It was as if bin Laden had a psychotic hatred of anything American. He simply wanted to kill Americans for being American.*³⁵

В данных примерах наблюдается значительное количество оценочно-заряженных единиц, акцентирующих внимание читателя на отрицательных качествах вождя “чужих”: *enemy, the author of attacks, unlocked its beast, psychotic hatred, simply wanted to kill*.

Среди публикаций о “чужих” не меньший интерес для читательской аудитории представляют статьи о террористах-камикадзе, так называемых *sleepers* – людях, “растворившихся” среди американцев, людях, которые до 11 сентября 2001 г. в обманных целях вели жизнь типичных жителей Америки, чтобы однажды нанести ей сокрушительный удар.

*The 19 Arabs named by the FBI as the hijackers were so-called “sleepers”, agents who had been living apparently normal lives in America and awaiting orders to begin their murderous mission.*³⁶

В № 2101 “Sunday Telegraph” сдержанна в обвинениях конкретных личностей и, рассказывая о жизни всех девятнадцати, приводит лишь несколько имен террористов:

*The typical profile would be doctors, accountants or someone with a technical background...Typical of such men was Mohammed Atta, 33, a former student at Hamburg Technical University...Twelve had lived in Florida and others had homes near each other in the San Diego region. One even had an affair with an American woman...*³⁷

Модальная рамка повествования, однако, показывает чужеродность этих людей в американской среде. Сигналом подобной рамки служит наречие “*even*” в вышеприведенном примере: “*У одного из них даже был роман с американкой*”.

Однако в № 2102 газета вынуждена информировать читателей, что в стремлении идентифицировать личность террористов-камикадзе СМИ ошибочно обвинили невинных людей:

*THEIR NAMES were flashed around the world as suicide hijackers who carried out the attacks on America. But yesterday four innocent men told how their identities had been stolen by Osama bin Laden.*³⁸

Как явствует из примеров, развитие ситуации меняет акценты, и четыре человека переходят из разряда “они” в разряд “мы”. Соответственно, меняется их характеристика: от негативно-оценочных единиц – *apparently normal lives, murderous mission* до позитивных – *innocent men, their identities had been stolen*.

Антигерой Мохаммед Атта, которого пресса назвала “*главным террористом Нью-Йорка*”, проходит через весь макротекст, как и Осам бен Ладен. В некоторых статьях он упоминается лишь вскользь, в других же представлена детальная информация о его незначительной деятельности в Америке и за ее пределами:

*Now police are investigating earlier trips from Hamburg, Germany, to Britain by the terrorists, in particular suspected visits made last year and in 1999 by Algerians led by Mohammed Atta, the main New York terrorist.*³⁹

*By 1999 Atta, through a German-based Islamic student group, had met up with fellow hijackers Marvan al-Shehhi and Liad Samir Jarrah. In America he revealed his undercover persona and frequented strip clubs.*⁴⁰

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что содержание текста “не может быть ограничено ни четкой схемой теоретической абстракции, ни строгим эстетическим каноном, а связано с открытой и развивающейся ситуацией реальной действительности”.⁴¹ Содержание газетного макротекста является отражением ситуации реальной действительности. Газетный макротекст функционирует в результате отражения ее развития и изменения.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. – К.: Фитосоциоцентр, 2002. – С. 48.
2. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. – К.: Вища школа, 1993. – 200 с.; Колшанский Г.В. Контекстная семантика. –

- М.: Наука, 1980. – 149 с.; Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – Одесса: Латстар, 2002. – 292 с.; Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 210 с.; Эльгаров А.А. Семантический анализ текста. – Нальчик, 1989 – 125 с.
3. Новиков А.И. Из общей теории текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М.: Наука, 1982. – С. 10.
 4. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 19.
 5. Sunday Telegraph. – 2001. – №№ 2101-2104.
 6. Иванов В.Ф. Техника оформления газеты. – К.: Т-во “Знания”, КОО, 2000. – С. 29.
 7. Пэн Д.Б. Слово и тема в газете. – Р.-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1991. – С. 47-48.
 8. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. – С. 662.
 9. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. – М.: Аспект пресс, 2000. – С. 19.
 10. См. сн. 5, № 2101.
 11. Там же.
 12. Там же.
 13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 307-308.
 14. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – С. 172.
 15. Там же, с. 177.
 16. См. сн. 5, № 2101.
 17. Там же.
 18. Там же.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Там же, № 2103.
 22. Там же.
 23. Почепцов Г.Г. Информация & дезинформация. – К.: Ника-Центр, Эльга, 2001. – С. 11.
 24. См. сн. 5, № 2101.
 25. См. сн. 23, с. 45.
 26. См. сн. 5, № 2103.
 27. Там же.
 28. Там же, № 2102.
 29. Там же.
 30. Там же, № 2103.
 31. Там же, № 2102.
 32. Там же, № 2103.
 33. Там же, № 2101.

34. Там же, № 2103.
35. Там же, № 2104.
36. Там же, № 2101.
37. Там же.
38. Там же, № 2102.
39. Там же, № 2103.
40. Там же, № 2104.
41. См. сн. 2: Новиков А.И. ..., с. 10.